сторожиться ревнителей буквы в священном писании. Гораздо труднее было объяснить московским читателям 1679 г. необходимость и даже неизбежность некоторых отступлений от «разума» псалмов (их буквального смысла) при переводе из прозаической формы в стихотворную.

Полоцкому надо было объяснить изменения троякого рода, которые он вносил в текст своих стихотворных переложений: прибавления против текста Библии — «стихи приданыя», пропуски — «речения отъяшася» и, наконец, изменения библейского текста: «Ниже да удивишася тому, читателю благочестивый, яко некая словеса целые стихи обрящеши приданыя: сия бо суть во исполнение разума или стихов. А идеже некая речения отъяшася, та за нужду, яко не вместишася в стихи мерою: обаче в разуме никако скудости деют. Еще идеже изменение некое узриши, то непщут светлшаго ради истолкования псалмов быти; толкование бо не теми словесы, яже суть в сущем бывает, но инеми и удобнишми, да сущаго неудобное откровенно будет. Напоследок, яже узриши не истолкованна, не удивися: ниже бо намерение мое зде бысть до чиста толковати, но точию стихотворно перевести я, с толиким изъяснением, елико вместитися может».[9]

Не удивительно, что вокруг «Псалтыри рифмотворной», как назвал свой сборник Полоцкий, развернулась очень острая литературная борьба.[10] Евфимий составил для патриарха Иоакима особую записку, специально направленную против Полоцкого и его переложений псалмов, в которой писал: «Хранити подобает, да никто псалмы мирскими красоглаголания словесы упещряет, ниже покуситися речения переменяти, или всячески иное, место иного поставляти, но просто, яко написана суть, да чтет и поет яко речеся».[11] Еще переложения псалмов Полоцкого не вышли в свет, а уже на них восстали «гаждатели», о которых он писал в стихотворении, помещенном вслед за псалмами:

Не мню токмо, но и вем, ибо ещи труди
Сии света не зреша, ни внидоша в люди,
А уже хулители завистнии слово
Лукавое имеша во устех готово.[12]

А после появления «Псалтыри рифмотворной» в печати сам патриарх Иоаким выступил против поэта в «Слове поучительном», в котором заявил, что «Псалтырь» Полоцкого «не яже чрез Давида богоотца духом святым вещанная, но или с полских книг, он, Симеон, собра, или готовую переведе, от Яна некоего Кохановского, латинянина суще, или Ополинария еретика сложенную».[13]

То главное обвинение, которое выдвинул патриарх Иоаким против «Псалтыри рифмотворной» Полоцкого («не ... духом святым вещанная»), означало, что он усмотрел в переложениях нечто привнесенное самим поэтом, какое-то новое осмысление общеизвестных текстов «Псалтыри», вольную их интерпретацию, неприемлемую для ревнителей строгой ортодоксии.

---

[9] Там же, стр. 214.

[10] П. Н. Берков. Предпосылки зарождения русской литературной критики. — В кн.: История русской критики, т. I. М.—Л., 1958, стр. 41—44.

[11] И. Татарский. Симеон Полоцкий, стр. 303.

[12] Н. Смирнов. Из литературной истории древнерусской образованности XVII столетия, стр. 382.

[13] Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865, стр. 137.